

Чарлз Дарвин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ВИДОВ ПУТЕМ
ЕСТЕСТВЕННОГО
ОТБОРА

Санкт-Петербург

УДК 575.8
ББК 28.02
Д 20

Charles Darwin
ON THE ORIGIN OF SPECIES BY MEANS OF NATURAL SELECTION,
OR THE PRESERVATION OF FAVOURED RACES
IN THE STRUGGLE FOR LIFE

Перевод с английского
Климента Тимирязева, под редакцией Николая Вавилова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации художников-анималистов
Густава Мютцеля, Ричарда Энделла, Арчиальда Торберна,
Поля Жамена, Чарлза Найта и других

ISBN 978-5-389-28938-3

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

К. А. Тимирязев

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ ДАРВИНА

«Зовут меня Чарлз Дарвин. Родился я в 1809 году, учился, проделал кругосветное плавание — и снова учился». Так ответил великий ученый назойливому издателю, добивавшемуся получить от него биографические сведения. По счастью, о жизни этого человека, изумлявшего и обвораживавшего всех своею почти невероятною скромностью, сохранились более обильные документальные сведения в напечатанных после его смерти «Автобиографии» (предназначавшейся исключительно для семьи) и пяти томах переписки, тщательно собранной и изданной его сыном Франсисом и профессором Сьюардом. На основании этих источников, по возможности выражаясь словами самого автора, был составлен по случаю кембриджского чествования его памяти краткий, прекрасно иллюстрированный биографический очерк, раздававшийся всем приезжим и, кажется, не поступивший в печать. Эта краткая биография, кое-где дополненная, легла в основание предлагаемого очерка.

Родился Дарвин 12 февраля 1809 года в Шрюсбери, в доме, сохранившемся до сих пор и живописно расположенном на берегу Северна. Дед его был известен как ученый, медик, поэт и один из ранних эволюционистов. Об отце Дарвин отзывался как о «самом умном человеке, какого он знал», — из его качеств отличал удивительно изощренную способность к наблюдению и горячую симпатию к людям, «какой я ни в ком никогда не встречал».

В школе Чарлз, по собственному его отзыву, ровно ничему не научился, но сам забавлялся чтением и химическими опытами,

Джон Стивенс Генслоу

за что получил прозвище Газ. В позднейшие годы на опросные пункты своего двоюродного брата, знаменитого статистика Гальтона, на вопрос: «Развила ли в вас школа способность наблюдательности или препятствовала ее развитию?» — дал следующий ответ: «Препятствовала, потому что была классическая». На вопрос: «Представляла ли школа какие-нибудь достоинства?» — ответ был еще лаконичнее: «Никаких». А в об-

щем выводе: «Я считаю, что всему тому ценному, что я приобрел, я научился самоучкою».

Шестнадцать лет он уже был вместе со старшим своим братом в Эдинбургском университете, где слушал лекции на медицинском факультете. Через два года перешел в Кембриджский университет, где по желанию отца выбрал теологический факультет. Его серьезно заинтересовало только «Натуральное богословие» знаменитого Палея (выдержавшее 19 изданий)¹. Три человека имели на него несомненное влияние; это были Генслоу, Седжвик и Юэль². Первый — как ботаник и, по-видимому, как высоконравственная личность; ему же Дарвин был обязан и тем, что, по его собственному признанию, «сделало возмож-

¹ Каково было содержание этого богословия и почему оно произвело такое сильное впечатление на Дарвина, можно судить по следующему факту: около того же времени при составлении зоологического музея в Оксфорде руководились мыслью, что он мог бы служить наглядным пособием при изучении книги Палея (Пэли (Paley). — Ред.).

² Генслоу, Джон Стивенс (1796–1861) — английский ботаник, геолог, профессор минералогии.

Седжвик, Адам (1785–1873) — британский ученый, один из основоположников современной геологии.

Уэвелл (Юэль), Уильям (William Whewell, фамилия в оригинальном произношении — Хьюэлл /'hju:əl/; 1794–1866) — англиканский священник, философ, теолог, историк науки, энциклопедист.

ным и все остальное в моей жизни», т. е. кругосветное путешествие на «Бигле». Если с Генслоу он делал экскурсии по соседним болотам, которыми гордится Кембридж, то с Седжвиком он карабкался по необитаемым горам Уэльса и научился умению делать геологические разведки еще не исследованных мест, что особенно пригодились ему в путешествии. Наконец, об Юэле (астрономе и авторе известной «Истории индуктивных наук») он отзывался, что тот был одним из тех двух встреченных им в жизни людей, поражавших его увлекательностью своего разговора на научные темы. Тем не менее и время, проведенное им в Кембридже, он считал почти потерянным, хотя «в общем итоге самым веселым в своей счастливой жизни». С увлечением занимался он только собиранием жуков.

Адам Седжвик

Настоящей его школой было пятилетнее (с 1831 по 1836 год) кругосветное плавание. Уезжая, он увозил с собой только что вышедший первый том «Основ геологии» Ляйеля. Снабжая Дарвина этой книгой, Генслоу советовал ему пользоваться ее богатым содержанием, но не останавливаться на слишком смелых идеях реформатора геологии. Дарвин последовал совету, выполнил его только наоборот: он не остановился, а ушел вперед гораздо далее своего учителя, каким всегда с благодарностью признавал Ляйеля.

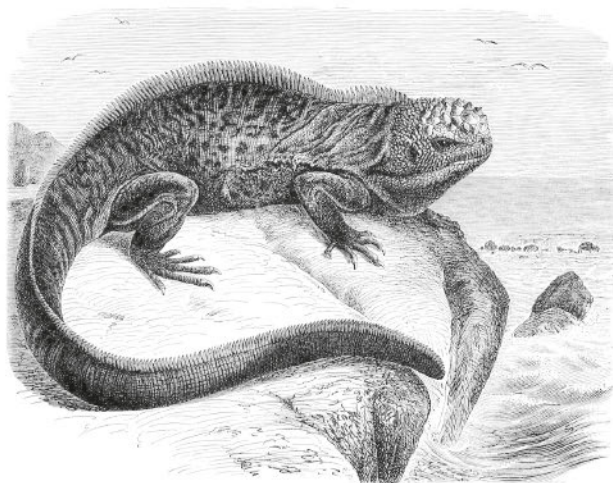
Наиболее поразили его и в то же время оказали наибольшее влияние на всю его дальнейшую

Уильям Уэвелл (Юэль)

деятельность четыре факта. Во-первых, постепенная смена органических форм по мере перемещения с севера на юг по восточному и с юга на север по западному берегу Южной Америки. Во-вторых, сходство между ископаемой и современной фауной той же страны. И в-третьих, черты сходства и различия обитателей отдельных островов архипелага Галапагос как между собой, так и с обитателями соседнего континента. Четвертым, несомненно, глубоким впечатлением, вынесенным из этого путешествия, отразившимся гораздо позднее на его отношении к вопросу о происхождении человека, было первое впечатление, произведенное на него туземцами Огненной Земли; воспоминание о нем выразилось в известных словах, что ему легче примириться с мыслью о далеком родстве с обезьяной, чем с мыслью о близком происхождении от людей, подобных тем, которых он увидал при первой высадке на Огненную Землю.

Через год по возвращении в Англию (в 1837 году) он начинает свою первую записную книжку, в которую заносит все имеющее отношение к вопросу о происхождении видов. Задача с первого же раза охватывается им со всех сторон, как это видно даже из одной странички этой записной книжки. Но только через два года, в 1839 году, перед ним раскрывается путеводная нить к этому лабиринту хотя и согласных, но продолжающих быть непонятными свидетельств в пользу единства происхождения всех органических существ. Чтение книги Мальтуса и близкое знакомство с практикой приводят его к выводу о существовании «естественного отбора», т. е. процесса устранения всего несогласного с ним, предустановленного, гармоничного, целесообразного, как выражались теологи и телеологи, полезного, *приспособленного*, как будет отныне называться эта коренная особенность организма. Краткий очерк всей теории, набросанный в 1842 году и в первый раз отпечатанный и розданный в подарок всем ученым, собравшимся на чествование Дарвина в Кембридже в настоящем году, не оставляет никакого сомнения, что за двадцать лет до появления «Происхождения видов» основная идея этого труда уже вполне сложилась в голове автора, а некоторые положения вылились в ту же самую форму,

*Морская игуана. Эндемик Галапагосских островов,
впервые описанный Чарлзом Дарвином
во время путешествия на «Бигле»*

в которой потом стали известны всему миру¹. И однако потребовались эти двадцать лет для того, чтобы свести в систему тот колоссальный оправдательный материал, без которого он считал свою теорию недостаточно обоснованной. Впрочем, два обстоятельства мешали ему вполне сосредоточиться на главном труде его жизни. Во-первых, обработка привезенного из путешествия громадного материала и специальные исследования по геологии и зоологии. Из числа первых доставила ему особую известность монография «О коралловых островах»², заставившая Ляйеля отказаться от своих прежних теорий. Еще более времени поглотило зоологическое исследование об «уконогих раках»³, живущих и ископаемых. Эта работа, по его собственному мнению и по мнению компетентных его друзей, была практической школой для реального ознакомления с тем, что такое

¹ Этим окончательно устраняется и всякое сомнение насчет его приоритета перед Уоллесом, который в это время был двадцатилетним землемером.

² Речь о монографии «The Structure and Distribution of coral reefs» (Строение и расположение коралловых рифов, 1842)

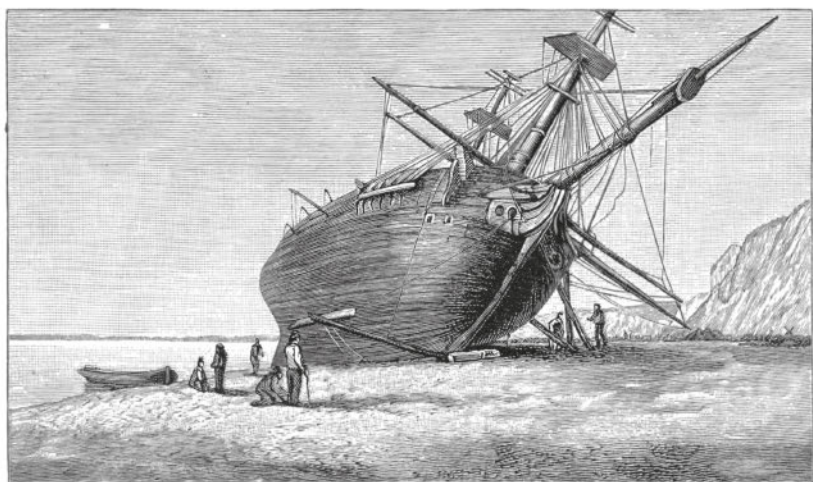
³ «A monograph on the sub-class Cirripedia» (1854).

вид. «Не раз, — пишет он сам, — я соединял несколько форм в один вид, с его разновидностями, то разбивал его на несколько видов, повторяя эту операцию до тех пор, пока с проклятием не убеждался в ее полной бесплодности». Эта тяжелая, суровая школа навлекла на него же насмешки Бульвера, изобразившего его в одном из своих романов чудаком, убивающим десятки лет на изучение каких-то ракушек. Более широкую известность, чем эти специальные труды, доставил ему «Журнал путешествия на „Бигле“», обративший на себя внимание Гумбольдта и по своей легкой, доступной форме ставший одним из любимых произведений охотно читающей путешествия английской публики.

Другим и еще более важным препятствием, мешавшим ему быстрее подвигаться в своей главной работе, весь план которой был у него вполне готов, была постоянная неизлечимая болезнь, явившаяся результатом переутомления от усиленных занятий в первые годы по возвращении из путешествия. Во всю последующую жизнь трех часов усидчивых занятий было достаточно, чтобы привести его на весь остальной день в состояние полного истомления. «Никто, кроме моей матери, — пишет в своих воспоминаниях Франсис Дарвин, — не может себе составить понятия о размерах испытанных страданий и его изумительном терпении. Она заботливо ограждала его от всего, что могло причинить ему малейшую неприятность, не упуская ничего, что могло избавить его от излишнего утомления и помочь ему сносить тягость постоянного болезненного состояния».

В том же 1842 году он переселился из Лондона в деревню, в Кенте, откуда писал: «Моя жизнь идет как заведенные часы, я наконец прикреплен к той точке, где ей суждено и окончиться». Эти мрачные мысли, навеянные постоянной болезнью, дошли до того, что он оставил завещание, в котором просил жену озаботиться изданием рукописи, которая с 35 страниц (1842 год) разрослась до 230 страниц, поручая эту заботу своему лучшему другу — Гукеру. По счастью, предчувствия его обманули — впереди было еще 40 лет изумительной деятельной жизни, увенчавшейся небывалой славой.

В 1856 году, по настоянию Ляйеля, он принялся за свой главный труд, задуманный в размере, превышавшем раза в три окон-

«Бигль» лежит на побережье в устье реки Санта-Круз

чательную форму «Происхождения видов». В 1858 году он получил известное письмо от Уоллеса¹, результатом чего было представление Гукером и Ляйелем обеих записок Дарвина и Уоллеса в Линнеевское общество.

Через год, 24 ноября 1859 года, вышла его книга «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за существование». Все издание разошлось в один день.

В следующем, 1860 году произошло в Оксфорде на заседании Британской ассоциации знаменитое в истории эволюционного учения столкновение между противниками и защитниками Дарвина, закончившееся, благодаря Гексли, блестящей победой последних. Но тем не менее, по мнению того же писателя, «вселенский собор ученых, несомненно, осудил бы нас подавляющим большинством».

В 1870 году он же писал, что не найдется той отрасли естествознания, на которой бы не отразилось влияние «Происхождения видов», а менее чем через 20 лет мог заявить, «что если

¹ Подробности этого чуть ли не единственного в истории науки случая рассказаны мною в другом месте (см. «Первый юбилей дарвинизма»).

бы не документальные доказательства, то он подумал бы, что его память ему изменяет, — до того резка перемена в общественном мнении» в пользу воззрений Дарвина.

Издание следовало за изданием, а в 1868 году появилось двухтомное «Изменение прирученных животных и возделываемых растений», этот самый полный и глубоко продуманный свод знаний по вопросу о явлениях изменчивости и наследственности, этих двух основ естественного отбора. Можно сказать, что шум, произведенный некоторыми позднейшими теориями (мутаций, гетерогенезиса и менделизма), главным образом объясняется невежеством нового поколения натуралистов по отношению к содержанию того изумительного труда, вероятно поглотившего большую часть времени, протекшего между первым очерком теории и выходом «Происхождения видов» и за последовавшее затем десятилетие.

В 1871 году появилось его «Происхождение человека», послужившее сигналом к новому взрыву негодования ханжей и реакционеров всех оттенков против автора, хотя, как он справедливо замечает, уже и в «Происхождении видов» он высказал вполне определенно свой взгляд на этот жгучий вопрос «для того, чтобы ни один честный человек не мог укорить его в том, что он скрывает свои действительные воззрения».

Вот отзыв об этой книге немецкого профессора Швальбе в изданной по случаю чествования памяти Дарвина в Кембридже книге «Дарвин и современная наука»: «Труд Дарвина о происхождении человека до сих пор не превзойден никем; чем более мы погружаемся в изучение сходства в строении человека и обезьян, тем более наш путь освещается ясным светом, излучаемым его спокойным, рассудительным исследованием, основанным на такой массе собранного им материала, какой не накоплял никто ни до, ни после него. Слава Дарвина будет навеки связана со свободным от всякого предрассудка изучением этого вопроса из вопросов — происхождения человеческой расы».

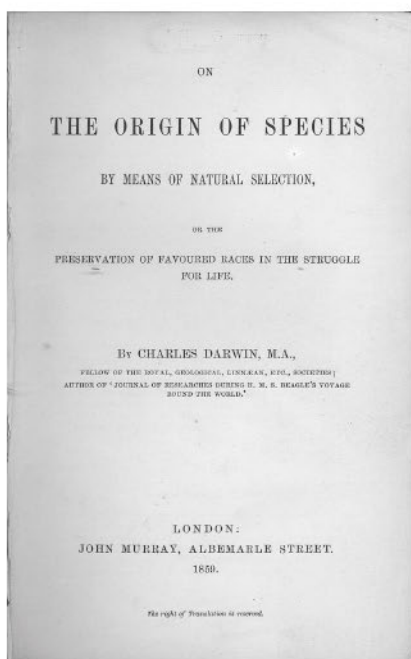
Эти три основных произведения заключают основы всей теории. Первое содержит учение о естественном отборе и доказательства его согласия со всем, что нам известно об органическом мире; второе дает позднейший для его времени истожаю-

щий анализ наших сведений о двух основных свойствах всех организмов, на которых основывается возможность естественного отбора; третье представляет проверку учения на основании его применения к самому сложному предельному случаю — к человеку с его эстетическим, умственным и нравственным развитием.

Одна глава книги о человеке разрослась в целый отдельный том — «Выражение чувств у человека и животных» — одно из остроумнейших развитий его общего учения о единстве всего живого на таких, казалось бы, ничтожных фактах, как выражение лица и т. д. при различных психических движениях.

Маленький очерк по психике новорожденного дал толчок целому ряду подражаний, и немецкие авторы нередко совершенно несправедливо приписывают первый шаг в этой области исследователю Прейеру.

После этого внимание Дарвина обратилось к другому полюсу органического мира — к растению — с целью показать применимость его учения и к существам, лишенным той сознательной волевой деятельности, которой Ламарк приписывал (у животных) главную роль. Ботанические труды Дарвина, где ему впервые пришлось из области описательной науки переступить и в область экспериментальной. Основная его мысль — доказать существование самых сложных приспособлений и объяснить их происхождение их полезностью.

*Титульный лист первого издания
«Происхождения видов»
(1859)*

Эта основная мысль, делающая из них одну связную систему, обыкновенно упускается из виду биографами при их го-
лом перечислении.

В *насекомоядных растениях* он показал у ряда растений органы для улавливания и переваривания животных и доказал, что это действительно полезный процесс для обладающих ими растений. В *движениях и повадках вьющихся растений*, показав широкое распространение этой формы растений, он задался вопросом, каким образом она могла возникать так часто и независимо в самых разнообразных группах растений, и ответил на это другим исследованием — *«Способность растений к движению»*, в котором доказал, что то явление, которое бросается в глаза у вьющихся растений, в незаметной форме широко распространено во всем растительном царстве, резко появляясь не только у вьющихся растений, но и в других явлениях растительной жизни, всегда полезных для обладающего ими организма.

Еще замечательнее группа монографий, касающихся формы и других особенностей цветка, находящихся в связи с перекрестным опылением цветов насекомыми: *«О различных приспособлениях, при помощи которых орхидные оплодотворяются насекомыми»*, *«Различные формы цветов у растений»*, *«Действие самооплодотворения и перекрестного оплодотворения»*. В первых двух раскрываются самые поразительные приспособления организмов, относящихся к двум различным царствам природы, а так как подобная гармония на основании учения о естественном отборе мыслима только под условием обоюдной пользы (польза для насекомых очевидна, они при этом питаются), то третий том представляет обстоятельное экспериментальное исследование, доказывающее пользу перекрестного оплодотворения, так как в результате его является всегда более могучее поколение.

Таким образом, тем, кто, не желая принимать теоретической основы учения Дарвина, старается отвлечь внимание, указывая на талантливость его специальных работ, приходится неизменно напоминать, что это не были отрывочные факты, разбросанные по всей области биологии от растения до человека, а факты, строго связанные между собой именно этой теорией и, сле-

довательно, проверяющие и подтверждающие ее обширной системой исследования. Эти биологические работы послужили толчком к неимоверной деятельности в этой области, и теперь литература, ими вызванная, выражается не одной тысячей томов.

Посвятив почти двадцать лет на подготовку себя к главной своей жизненной задаче, на ее разработку и почти столько же на то, чтобы научить, как надо пользоваться его теорией как орудием изучения природы, могучий ум, в течение большей части жизни борющийся с немощным телом, уже начинал видеть новые широкие горизонты в смысле более глубокого экспериментального изучения основного фактора, легшего в основу его учения, — фактора изменчивости. Но силы изменили, и он мог еще только обработать остроумное маленькое исследование над *«Образованием перегной почвы при содействии червей»*, успех которого, если судить о нем по ходкости распродажи, превзошел даже успех *«Происхождения видов»*.

Он умер 19 апреля 1882 года и похоронен рядом с Ньютоном в Вестминстерском аббатстве. Последними его словами были: «Я нисколько не боюсь умереть». А в заключительных строках автобиографии Чарлз Дарвин подвел такой итог своей жизни: «Что касается меня самого, я убежден, что поступил правильно, посвятив всю свою жизнь упорному служению науке. Я не чувствую за собой какого-нибудь большого греха, но часто сожалел, что не принес более непосредственной пользы своим собратьям»¹.

¹ «My fellow creatures» — очевидно, Дарвин принцип братства распространяет не на одного только человека.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВОЗЗРЕНИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВ ДО ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ ЭТОГО ТРУДА

Приведу здесь краткий очерк успехов научного воззрения на происхождение видов. До недавнего времени значительное большинство натуралистов было убеждено, что виды представляют нечто неподвижное и были созданы независимо одни от других. Воззрение это искусно поддерживалось многими даровитыми писателями. С другой стороны, небольшое число натуралистов полагало, что виды подвергаются изменениям и что существующие формы жизни произошли путем обычного зарождения от форм, прежде существовавших. Не останавливаясь на неопределенных намеках в этом смысле, встречающихся у классических писателей¹, должно признать, что первый из писателей новейших времен, обсуждавший этот предмет в путаном научном духе, был Бюффон. Но так как его мнения подверга-

¹ Аристотель в его «Physicae Auscultationes» (lib. 2, cap. 8, s. 2), после замечания, что дождь идет не затем, чтобы способствовать урожаю хлебов, точно так же как и не для того, чтобы испортить хлеб, который молотят не под навесом, применяет тот же аргумент и к организмам; он добавляет (как переводит это место Клэр Грэс, первый обративший на него внимание): «Что же мешает в природе различным частям (тела) находиться в таком же случайном отношении между собой? Зубы, например, растут по необходимости: передние — острыми и приспособленными к раздиранию пищи, а коренные — плоскими, пригодными для перетирания пищи, так как они не сотворены ради этого, а это было делом случая. Равным образом и в применении к другим частям, которые нам кажутся приспособленными к какой-нибудь цели. Таким образом, везде, где предметы, взятые в совокупности (так, например, части одного целого), представляются нам как бы сделанными ради чего-нибудь, они в действительности только сохранились, так как благодаря какому-то внутреннему стремлению оказались соответственно построенными; все же предметы, которые не оказались таким образом построенными, погибли и продолжают погибать». Мы здесь усматриваем как бы проблеск будущего начала естественного отбора; но как мало Аристотель понимал сущность этого начала, видно из его замечаний о зубах.

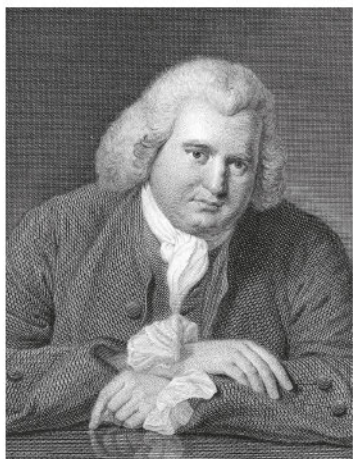
лись значительным колебаниям и так как он не касался причин или путей, по которым совершалось это превращение видов, я могу не вдаваться здесь в подробности.

Ламарк был первым, чьи выводы по этому предмету остановили на себе внимание. Этот, по справедливости, знаменитый ученый в первый раз изложил свои воззрения в 1801 году, он

Жан-Батист Ламарк

значительно расширил их в 1809 году в своей «Philosophie Zoologique» — и еще позднее, в 1815 году, в предисловии к своей «Histoire Naturelle des Animaux sans vertébrés». В этих трудах он отстаивает воззрение, что все виды, включая человека, произошли от других видов. Ему принадлежит великая заслуга: он первый остановил всеобщее внимание на вероятности предположения, что все изменения в органическом мире, как и в неорганическом, происходили на основании законов природы, а не вследствие чудесного вмешательства. Ламарк, по-видимому, пришел к заключению о постепенном изменении видов на основании затруднений, испытываемых при различении вида от разновидности, на основании почти нечувствительных переходов между представителями некоторых групп и на основании аналогии с прирученными животными и культурными растениями. Что касается причин, вызывающих изменения, то он их приписывал отчасти непосредственному воздействию физических условий, отчасти скрещиванию между существующими уже формами, но в особенности упражнению или неупражнению органов, т. е. привычке. Этому последнему фактору он, по-видимому, приписывал все прекрасные приспособления, встречающиеся в природе, какова длинная шея жирафы, объедающей древесную листву. Но он также верил в существование закона прогрессивного развития, а так как в силу этого закона все живые существа стремятся к совершенствованию, то для объяснения существования в современную эпоху и прос-

Эразм Дарвин

тейших форм он допускал их самозарождение¹.

Жоффруа Сент-Илер, как видно из его «Жизни», написанной его сыном, уже в 1795 году подзревал, что так называемые виды суть только различные уклонения от одного общего типа. Но только в 1828 году высказал он в печати свое убеждение, что формы не оставались неизменными с самого начала мира. Жоффруа видел главную причину изменений в условиях существования, или, как он выразился, «le monde ambiant»². Он был осторожен

в своих заключениях и не предполагал, что существующие виды продолжают изменяться, а, по словам его сына, «c'est donc un problème à réserver entièrement à l'avenir, supposé même que l'avenir doive avoir prise sur lui»³.

В 1813 году д-р Ч. В. Уэллс прочел в Королевском обществе сообщение «Об одной женщине белой расы, часть кожи кото-

¹ Я заимствовал дату первого труда Ламарка у Исидора Жоффруа Сент-Илера, представившего в своей книге (Hist. Nat. Générale, т. II, p. 405, 1859 г.) превосходный исторический очерк различных воззрений на этот предмет. В этом труде можно найти и полный очерк воззрений Бюффона. Любопытно, в каких широких размерах мой дед, Эразм Дарвин, в своей «Зоономии» (т. I, с. 500–510), появившейся в 1794 году, предвосхитил воззрения и ошибочные основания, которыми руководился Ламарк. По мнению Исидора Жоффруа, не подлежит сомнению, что Гёте был крайним сторонником сходных воззрений, как это вытекает из предисловия к труду, относящемуся к 1794 и 1795 годам, но напечатанному значительно позднее; он вполне определенно выражает мысль («Goethe als Naturforscher» Карла Мединга, с. 34), что в будущем натуралиста должен занимать вопрос, как приобрел рогатый скот свои рога, а не вопрос, на что они ему нужны. Замечательным примером того, как сходные идеи могут возникать одновременно, но совершенно независимо, служит факт, что Гёте в Германии, Дарвин в Англии и Жоффруа Сент-Илер (как сейчас увидим) во Франции пришли к тем же заключениям о происхождении видов в краткий промежуток 1794–1795 годов.

² Окружающего мира (фр.). — *Ред.*

³ «Эту проблему надо целиком передать будущему, если только в будущем ею будут заниматься» (фр.). — *Ред.*

рой походила на кожу негров», но статья эта не была напечатана до появления его знаменитого труда «Два исследования: о расе и о видении одним глазом». В этом исследовании он определенно признает начало борьбы за существование, и это первое кем-либо высказанное признание этого начала; но допускает его Уэллс только по отношению к человеческим расам, и то в применении к некоторым только признакам. Указав, что негры и мулаты, по-видимому, не подвергаются известным болезням тропиков, он замечает, что все животные до известной степени варьируют и что сельские хозяева улучшают свой домашний скот отбором, и наконец добавляет: «То, что в последнем случае достигается искусством, по-видимому, с одинаковым успехом, хотя и более медленно осуществляется в природе в процессе образования человеческих разновидностей, приспособленных к странам, ими обитаемым. Из случайных разновидностей человека, появившихся между скудно разбросанным населением Средней Африки, одна какая-нибудь может быть лучше остальных приспособлена к перенесению местных болезней. Эта раса будет, следовательно, размножаться, между тем как другие будут убывать не только вследствие их неспособности противостоять болезни, но и вследствие невозможности конкурировать с более могучими соседями. Цвет этой более могучей расы, на основании сказанного, будет черный. Но так как это стремление к образованию разновидностей сохраняется, то в результате будет образовываться все более и более темная раса, и так как самая темная будет наилучше приспособлена к климатическим условиям, то она и сделается преобладающей, если не единственной расой в той стране, в которой появилась». Затем он распространяет свои воззрения и на белых обитателей более холодных стран. Я обязан этими указаниями м-ру Роулей, живущему в Соединенных Штатах и обратившему мое внимание на труды Уэллса, через посредство м-ра Брэса.

Достопочтенный В. Герберт, впоследствии декан манчестерский, в четвертом томе «Horticultural Transactions» за 1822 год и в своем труде об «Амариллисовых» (1837 г., с. 19, 339) высказывает свое убеждение, что «садоводственные опыты поставили вне всякой возможности опровержения то положение, что бота-

нические виды — только разновидности высшего порядка, но более постоянные». Он распространяет это воззрение и на животных. Декан полагает, что в каждом роде было создано по одному виду, отличавшемуся крайней пластичностью, и уже эти виды, отчасти посредством скрещивания, отчасти путем изменения, произвели все существующие виды.

В 1826 году проф. Грант в заключительном параграфе своего известного исследования о *Spongilla* («Edinburgh Philosophical Journal», т. XIV, с. 283) вполне определенно высказывает свое убеждение, что виды происходят от других видов и что по мере своего изменения они совершенствуются. То же воззрение им воспроизведено в его 55-й лекции, напечатанной в «Lancet» за 1834 год.

В 1831 году м-р Патрик Матью издал свой труд «О материале для кораблестроения и древоводстве», где высказывает воззрение на происхождение видов, совершенно сходное с тем (как сейчас увидим), которое было высказано м-ром Уоллесом и мною в «Linnean Journal» и подробно развито в настоящем томе. К несчастью, воззрение это было высказано м-ром Матью очень кратко, в форме отрывочных замечаний, в приложении

Христиан Леопольд фон Бух

к труду, посвященному совершенно иному вопросу, так что оно осталось незамеченным, пока сам м-р Матью не обратил на него внимание в «Gardners Chronicle» 7 апреля 1860 года. Различия между воззрениями м-ра Матью и моими несущественны: он, по-видимому, полагает, что мир от времени до времени совершенно лишался своего населения и заселялся вновь, и, в качестве возможного способа для образования новых существ, допускает, что они могли зарождаться, «не от-

Дарвин Ч.

Д 20 Происхождение видов путем естественного отбора / Чарлз Дарвин ; пер. с англ. К. Тимирязева ; под редакцией Н. Вавилова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 640 с. : ил. + вкл. (16 с.). — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28938-3

«Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) — великий труд, основа эволюционной биологии и одна из поворотных вех в истории науки. Эта книга убедительно и наглядно объяснила, как возникли все эти удивительно разнообразные виды и формы живых существ, столь филигранно приспособленные к своей среде обитания.

Английский ученый-натуралист, путешественник и естествоиспытатель Чарлз Дарвин на основе многолетних глубоких исследований предлагает естественно-научное объяснение многообразия видов, доказывая их происхождение от общих предков. Ученый одним из первых определил движущие силы эволюционного процесса — изменчивость и естественный отбор. Дарвин подробно и наглядно, на многочисленных примерах показывает, как в живых организмах закрепляются полезные для выживания признаки.

Сейчас даже трудно представить, какой тектонический сдвиг произвела публикация этого труда в мире, уверенном в сверхъестественном возникновении жизни. Эта книга необратимо изменила не только естественные науки, но также философию, психологию и общественное мировоззрение и вошла в золотой фонд человеческой мысли.

УДК 575.8
ББК 28.02

ЧАРЛЗ ДАРВИН
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ
ПУТЕМ ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректор Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.07.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 40,18 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-38051-01-R